УДК 94 (510)

ББК 63.3 (5 Кит)

DOI 10.31554/2222-9175-2020-37-68-76

Ц. С. Очиров, Б. Д. Цыбенков

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ: МЕМУАРЫ И УСТНАЯ ИСТОРИЯ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ХУЛУН-БУИРЕ

Предпринята попытка рассмотреть события «культурной революции» в Хулун-Буирском аймаке Внутренней Монголии через призму письменных воспоминаний и устных рассказов очевидцев. Авторы делают упор на период с 1966 по 1969 г., выделяя его как критическую фазу идейно-политической кампании. В результате исследования выяснено, что в ходе «культурной революции» во многом пострадали представители буддийского духовенства и органов местного самоуправления, члены Хулун-Буирского филиала Народно-революционной партии Внутренней Монголии.

Ключевые слова: национальные меньшинства, Хулун-Буир, «культурная революция», мемуары, устная история, хунвейбины.

Ts. S. Ochirov, B. D. Tsybenov

EYEWITNESS ACCOUNTS: MEMOIRS AND ORAL HISTORY OF THE “CULTURAL REVOLUTION” IN HULUN-BUIR

The article studies the events of the “Cultural Revolution” in the Hulun-Buir region of Inner Mongolia with the help of memoirs and oral eyewitness accounts. The author notes the period from 1966 to 1969 as a critical phase of the ideological and political campaign. The study reveals that the “Cultural Revolution” hit representatives of the Buddhist clergy and local governments, members of the Hulun-Buir branch of the People’s Revolutionary Party of Inner Mongolia.

Keywords: ethnic minorities, Khulun-Buir, “Cultural Revolution”, memoirs, oral history, Red Guards.

Большую роль в изучении «культурной революции» в КНР играют мемуары очевидцев, а также их устные рассказы. Несмотря на субъективное восприятие людьми тех или иных фактов идейно-политической кампании, эти источники дают, несомненно, ценные материалы для исследования проблемы. Хулун-Буирский аймак автономного района Внутренняя Монголия (далее – АРВМ) считается одним из наиболее пострадавших в ходе «культурной революции» национальных регионов. Поэтому изучение письменных воспоминаний и устных рассказов очевидцев в этом приграничном с Россией и Монголией китайском регионе представляется очень важным и своевременным. Целью данной работы является выявление и освещение отдельных фактов и событий «культурной революции» на основе авторских полевых материалов и изучения ряда мемуарных воспоминаний очевидцев.

ОЧИРОВ Цыден Солбонович – аспирант отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: tsyden.ochirov@mail.ru.

ЦЫБЕНОВ Базар Догсонович – старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: bazar75@mail.ru.

В последнее время все большую популярность в историко-этнографических исследованиях приобретает устная история. Метод устной истории позволяет прояснить сложные исторические периоды, от которых не сохранились документальные источники. К такому периоду можно смело отнести и время проведения «культурной революции» в Китае. Многие документальные источники этого периода были уничтожены или находятся ныне под строжайшим запретом. В этой связи именно устная история может прояснить малоизвестные страницы из истории проведения «культурной революции» в КНР и, в частности, в Хулун-Буирском аймаке АРВМ.

С целью сбора полевого материала и письменных источников в указанный регион были организованы в 2018 и 2019 гг. две экспедиции. Работы велись в основном в баргутских автономных хошунах, эвенкийском автономном хошуне, даурском автономном хошуне Морин-Дава, г. Хайлар. Необходимо заметить, что сбор интервью/записей воспоминаний был затруднен ввиду всяческих опасений информаторов. По этой же причине мы не стали записывать данные информаторов, включая имя, возраст, национальность. По мнению ряда людей, тема «культурной революции» до сих пор считается запретной, поскольку тесно связана с политикой государства [1]. Информаторы очень настороженно относятся к любым высказываниям интервьюера по поводу «культурной революции», ограничиваются общими фразами или замолкают, продолжая разговор только с переходом на другую, бытовую или менее значимую политическую тему. Нами выделены некоторые общие моменты в устных рассказах очевидцев. Во-первых, к ним можно отнести возмездие за преступления. Очень многие информаторы отмечают факт возмездия, которое затронуло участников расправ над местными жителями: «...все люди, принимавшие участие в ужасных деяниях периода “культурной революции”, не дожили до старости, рано умерли по разным причинам. Бытует мнение, что их наказали свыше» [1]. Во-вторых, случайность тех или поступков, вызвавших гонения и репрессии. Например, в ряде устных историй указывается, как тот или иной ученик/скотовод случайно задел/уронил изображение Мао Цзэдуна или лозунга и был посажен в тюрьму. Некоторые случаи были курьезны. Так, одна коза съела приклеенную к стене газету с изображением вождя и лозунгов того периода. Тут же она была убита, а мясо сдано властям [1]. В-третьих, ужас злодеяний. Устные истории поражают неслыханной жестокостью расправ над людьми (подрывали гранатами, бросали в колодцы, замораживали, доводили до самоубийства и др.). Надо полагать, что именно ужас, испытанный и/или услышанный людьми в период «культурной революции», продолжает довлеть над ними и в настоящее время. Рассказывать об этом малопривлекательно, тем более зарубежному исследователю. Тем не менее нам удалось записать некоторые устные истории.

Из полевых записей в ноябре 2019 г. (информатор – женщина пожилого возраста, всю жизнь работала скотоводом в Хулун-Буирском аймаке): «когда началась “культурная революция”, я училась в четвертом классе. Ранее (т. е. до “культурной революции”) у меня умер отец. Оказавшись в тяжелой ситуации, я была вынуждена бросить школу, поэтому не получила хорошего образования. Многие мои ровесники также не получили образования из-за “культурной революции”. Образование смогли получить лишь немногие... Они (речь идет о хунвейбинах) делились на «ляньхэ» и «дунсы» и боролись между собой (речь идет о эвенкийском автономном хошуне Хулун-Буирского аймака. – *Авт.*). Во время гонений был убит дарга Баатарсан – эвенк-солон, являвшийся начальником в тот период. Многие начальники, партийные лидеры стали “шудхэрами” (досл. черти). Их всячески оскорбляли и унижали. Моя старшая сестра как-то в октябре месяце ходила на собрание, но пришла домой вся мокрая, потому что бежала и, боясь преследования, в одежде

переплыла реку. Я слышала разговоры, что некоторые обвиненные люди прятались даже в свинарниках, и их, тыкая палками, вытаскивали и всячески унижали. Мы с мамой жили вдаль от центра сомона, пасли скот в распадке. Я слышала, как мама говорила: “шудхэрнууд” вышли из леса, и мы наливали в чашки суп. Проходя мимо, они быстро и незаметно съедали то, что мы приготовили. Они все были бывшими местными чиновниками, партийными работниками. Однажды я видела, как один хунвейбин привязывал обвиненного человека к дереву веревкой и позвал меня, чтобы я помогла ему. Но я сказала: “привязывай сам” и быстро ушла. Никто из тех, кто мучил безвинных людей, потом не жил хорошо. Их потомки страдали по тем или причинам. Поскольку я проучилась в школе лишь четыре класса, то выучилась лишь немного читать по монгольскому письму и счету. Писать я так и не научилась. Китайской письменности не знаю до сих пор, кроме самых необходимых общеупотребительных наименований и названий. Когда я училась в школе, нам дали красные повязки и сказали, что мы теперь хунвейбины. На собрании говорили, что надо обязательно кого-то ругать и обвинять, но поскольку моя мать строго запретила мне кого-либо обвинять, то я молчала. И впоследствии оказалось, что это было правильное дальновидное решение» [1].

В данной устной истории мы видим общие моменты, характерные для большинства устных воспоминаний очевидцев. Важным является указание информатора на то, что в годы «культурной революции» многие подростки не смогли получить образование. В то же время информатор в качестве главной причины, по которой он не смог получить образование, указывает потерю отца, а не «культурную революцию». Весьма важным является деление хунвейбинов на две группы и их междоусобная борьба. Этот факт заслуживает более глубокого изучения, с привлечением письменных источников. Примечательно, что информатор, несмотря на всю тяжесть положения, вместе с матерью оказывала посильную помощь пострадавшим (кормление супом), отказалась привязывать человека к дереву. Возможно, будучи в юном возрасте, информатор до конца не понимал всех ужасов идущих репрессий. Между тем в устной истории имеет место сюжет, связанный с ее старшей сестрой, вероятно, ходившей на собрание хунвейбинов. В рассказе проскальзывает страх девушки, которая решилась в достаточно холодное время года, в октябре, переплыть реку, боясь преследования. Преследованию мог подвергнуться любой человек.

По сообщению одного информатора, даже больные люди становились объектом нападок хунвейбинов: «в годы культурной революции я тяжело болел. Болели спина и внутренние органы, так что я временами не мог стоять и ходить. Однако хунвейбины не могли поверить, что я болею. Они приходили проверять мое состояние, пытались поднять меня. Им казалось, что я симулирую болезнь, угрожали мне. Даже назначение врача и справки из поликлиники ничего для них не значили. Боясь за свою жизнь и семью, я был вынужден уехать на больничное лечение в Харбин» [1]. В другой устной истории, рассказанной бывшей учительницей, также отмечено чрезмерное преследование беременной женщины: «в ту пору я была беременна третьим ребенком. Из-за действий хунвейбинов я чуть не потеряла его. Гонения начались, когда один ученик во время подготовки к празднику, когда украшали кабинет, балуясь, попал чем-то в портрет Мао Цзэдуна, и он упал. Через три дня он был подвергнут гонениям. Пострадала и я. Меня заставляли взбираться на табурет и долгое время стоять на нем. Тогда я очень боялась преждевременных родов, мучения были невыносимы» [1]. В этой устной истории отмечается, что гонения начались со случайности. Этот момент, как мы выше указывали, характерен для ряда устных историй. Кратко приведем некоторые из них: «во время культурной революции один учащийся, играя с другими детьми, случайно задел веником портрет Мао Цзэдуна. Портрет упал на пол. После

этого случая учащегося посадили в тюрьму» [I]; «один ученик случайно наступил ногой на портрет Мао Цзэдуна. Признав его действия целенаправленным оскорблением личности вождя, привязали спиной друг к другу четырех человек из его семьи и подорвали гранатой» [I]. Очевидно, речь идет о случаях, имевших место не только на территории Хулун-Буирского аймака АРВМ, а во всем Китае. В устной истории о подрыве людей гранатой не указывается место действия. Вполне вероятно, что рассказчик мог вспомнить события, имевшие большой резонанс в Северо-Восточном Китае в обозримый период. В целом эти и другие устные истории относятся к источникам с характерным субъективным восприятием реальных событий. Поэтому их изучение должно проводиться наравне с анализом письменных источников.

В данной работе также рассмотрены мемуары очевидцев событий. Источниками послужили книги, статьи, в которых содержатся воспоминания тех или иных деятелей о трагических событиях. Как известно, «культурная революция» началась в мае 1966 г., после выступлений Мао Цзэдуна, который призвал всех принять непосредственное участие в борьбе с ревизионистами, изменниками родины. С этого времени по всей стране распространилось революционное движение, в котором выделялись хунвейбины. Как вспоминает буддийский священнослужитель, одним из лозунгов «великой пролетарской культурной революции» было уничтожение четырех основ: 1) старых идей; 2) традиций; 3) культуры; 4) привычек. Под этим лозунгом были разрушено огромное количество памятников историко-культурного наследия национальных меньшинств. Среди них наиболее значимыми были буддийские храмы, традиционно игравшие большую роль среди скотоводческого населения. В то время в Хулун-Буирском аймаке насчитывалось около 18 буддийских монастырей. Политику по уничтожению буддийских монастырей можно разделить на два этапа: первый этап – с 1966 по 1967 г., второй этап – проведение политики «neirendang». Первый этап связан с движением хунвейбинов. Еще летом 1966 г. после объявления начала «культурной революции» первые отряды хунвейбинов прибыли в административный центр Хулун-Буирского аймака – г. Хайлар. Первыми их действиями было осквернение буддийских монастырей и статуй. Они активно занимались мародерством, разрушали исторические памятники национальных меньшинств, угоняли лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, принадлежащий монастырям, издевались над ламами и прихожанами. Это вызвало огромное недовольство со стороны местных жителей, которые дали им отпор, после которого погромы хунвейбинов частично прекратились. Второй этап начинается одновременно с превращением Внутренней Монголии в военную территорию со второй половины 1967 г. В тот период все буддийские монастыри перешли в собственность революционного комитета Внутренней Монголии. Все имущество и культурные ценности буддийских монастырей были изъяты и использовались для нужд «великой пролетарской революции», деятельность буддийских священнослужителей была полностью под запретом. Во время проведения политики «neirendang» (内人党) [II] многие ламы были репрессированы по обвинению в антипролетарской деятельности [Ли Вэньсюй 1996: 102–103]. О преследовании буддийских священнослужителей говорится и в других источниках: «гонения на буддийскую религию в период “культурной революции” имели поддержку со стороны государства. Его политика приветствовала самые изощренные способы уничтожения древних святынь, к которым относились бурханы барга-монголов. Все эти преступления против этнического самосознания национальных меньшинств не могут быть забыты и все виновные должны быть наказаны» [Yaljud Dobdonbal-un Bukebayatur 2010].

К одним из первых действий хунвейбинов относится борьба с остатками т. н. «буржуазии». Об этих событиях с горечью вспоминал врач, один из немногих ква-

лифицированных специалистов того времени: «После 1966 г. начались массовые гонения богатых скотоводов. После собрания в августе того же года они были признаны врагами революции. В один из дней их раздели догола, измазали их лица черной краской и стали избивать» [Со Oršon 2010]. В последующем такого рода гонения не прекращались. В результате погибло много его родных и знакомых, включая мать и брата. Автор также отмечает, что на протяжении многих лет изучение периода «культурной революции» находится под запретом. Поэтому он очень обеспокоен, что современное общество забывает о тех жестоких временах, когда множество неповинных людей пострадали от ошибок «банды четырех» [Ibid.].

Особое место в «культурной революции» в Хулун-Буиरे играет начальный этап, когда проводилась политика «*neirendang*». Как вспоминал один баргут, учитель истории средней школы, «почти с самого начала культурной революции национальным меньшинствам было запрещено носить традиционную одежду, разговаривать на родном языке, исповедовать свою религию. В первое время нам казалось, что это лишь формальность, но на деле после превращения Внутренней Монголии в военную территорию эта политика осуществлялась самыми жестокими методами. Даже в школах доходило до того, что баргутских детей насильно заставляли разговаривать только на китайском языке. Если кто-то нарушал эти правила, то их тут же могли выставить посмешищем, критикуя за антигосударственное поведение. “Великая пролетарская культурная революция” пропагандировала классовую борьбу против остатков буржуазии, в т. ч. и против предателей, ревизионистов, которыми считались и члены Народно-революционной партии Внутренней Монголии (сокр. НРПВМ). Их преступления против партии упоминались почти в каждой местной публикации. Немало потрясений пережил эвенкийский автономный хошун, в котором в 1956 г. был создан свой управленческий комитет и большинство его членов составляли эвенки, а в 1968 г. в нем уже не было ни одного представителя национальных меньшинств. Со второй половины 1967 г. все лидеры были сняты с постов по обвинению в антигосударственной деятельности, некоторые из них были арестованы как враги революции» [1]. Трагична судьба представителей и других этнических меньшинств. Многие шэнэхэнские буряты также подверглись тяготам реформирования и репрессий во время «*neirendang*». Председателем Барун-сомона был Даша Зэгбэ. Три года он просидел в тюрьме при здании сомонного правления. Арестован был и председатель Абида, он был осужден на 10 лет тюрьмы. Большинство из них были арестованы за панмонгольскую деятельность, которую приписывали всем лидерам Народно-революционной партии Внутренней Монголии. Для бурят Китая этот исторический период имеет огромное значение, поскольку страдания затронули почти каждую бурятскую семью [Jamsо Enke 2008: 187]. Некоторые исследователи Хулун-Буира отмечают, что среди национальных меньшинств в годы «культурной революции» больше всех пострадали дауры [Модэрту 2018; Цыбенков 2018а: 191]. Многие дауры занимали высокие посты, занимались преподавательской и научной деятельностью, состояли в Народно-революционной партии Внутренней Монголии. К тому времени дауры были официально признаны в качестве самостоятельного этноса (1956) [Цыбенков, Юй Шан 2017: 119], имели свою национальную автономию – Даурский автономный хошун Морин-Дава (1958) [Цыбенков 2018б: 101]. В начале «культурной революции» в Морин-Дава был образован ревком (1968) [Он же 2018в: 207]. Из истории известно, что дауры боролись с маньчжурами начиная с первой половины XVII в. [Он же 2011: 241], в годы правления Китайской республики даурское население было вынуждено мигрировать в горные местности Морин-Дава [Он же 2012: 194], в то же время многие даурские деятели в 20–30-е гг. XX в. обучались в Японии и России [Он же 2017: 202], принимали активное участие

в политической жизни региона. Большинство из них были репрессированы в период с 1967 по 1969 г., т. е. в годы проведения политики «neirendang». Большинство обвинений было связано с членством в Народно-революционной партии Внутренней Монголии. Она была признана антигосударственной, выступающей против социалистических, маоистских идей, активно занимающейся сепаратистской деятельностью [Модэрту 2018]. Подтверждением вышесказанному служит рассказ очевидца тех лет, члена «humengdang» (呼盟党), или Народно-революционной партии Хулун-Буирского аймака [III]. О деятельности этой партии на данный момент известно очень мало. Можно полагать, что в обозримый период народно-революционная партия Хулун-Буирского аймака могла являться региональным филиалом НРПВМ. С самого начала проведения политики «neirendang» во Внутренней Монголии все члены «humengdang» были обвинены в тех же преступлениях, что и члены НРПВМ. Им были выдвинуты обвинения в антигосударственной деятельности, якобы проводившейся на протяжении 20 лет с момента создания «humengdang». По мнению властей, эта партия проповедовала антисоциалистические и антимаоистские идеи, выступала за сепаратизм, т. е. за отделение от КНР. Все члены «humengdang», занимавшие руководящие должности, были задержаны. Впоследствии они были либо казнены, либо замучены до полусмерти и стали инвалидами. В членстве «humengdang» подозревались многие представители национальных меньшинств Хулун-Буирского аймака. Дело доходило до того, что хунвейбины могли задержать и покалечить подозреваемого человека прямо на улице. К числу подозреваемых относились люди, так или иначе проявлявшие свою национальную идентичность, к примеру представители национальных меньшинств, использовавшие при разговоре родной язык, носившие традиционную одежду и т. д. Вся эта политика доходила до полного безумия. От нее пострадало огромное количество невинных людей [Алатэн-Дэлихай 1999: 197].

Одним из главных направлений политики «neirendang» являлась антисоветская пропаганда. В целом она была характерной особенностью культурной революции в рамках всего Китая. Однако в Хулун-Буирском аймаке АРВМ антисоветская пропаганда была на особом счету. Еще с момента установления во всей Внутренней Монголии военного правления все лидеры НРПВМ подозревались в качестве советских шпионов. Такое резко негативное отношение к политической элите Внутренней Монголии наблюдается во многих мемуарах и биографиях деятелей, так или иначе взаимодействовавших с СССР. Так, один из учителей русского языка, даур по национальности, вспоминал: «Когда я был юным, приоритетным считалось изучение русского языка. Будучи студентом, я мечтал посетить мавзолей Ленина, одного из отцов коммунизма. Но все стало меняться в 60-е гг. XX в., когда резко обострились отношения между СССР и Китаем. Ситуация усугубилась с самого начала культурной революции. Обучение русскому языку было полностью запрещено. Любое упоминание о СССР могло стать причиной для объявления человека “врагом народа”» [Лэ Чжидэ 2008: 285].

Тотальный контроль центрального правительства доходил до самых разных сфер жизни. Работники Хулун-Буирского национального телевидения и радиовещания вспоминали о своей деятельности в трудные годы: «до начала культурной революции наши вещания имели более творческий характер. Трансляции контролировались нашими сотрудниками, учитывавшими при планировании вещания интересы и требования КПК. В то же время имелись отдельные программы, посвященные традициям и культуре национальных меньшинств. В них транслировались местные новости, народные песни и т. д. С мая 1966 г., когда генеральный секретарь ЦК КПК Мао Цзэдун объявил о начале “великой пролетарской культурной революции”, стало ощущаться давление на телевидение и радиовещание. Это было неотъемлемой

частью государственной пропаганды. Если с 1966 г. по вторую половину 1967 г. контроль над нами больше носил формальный характер, то после преобразования властных структур Внутренней Монголии в военную диктатуру во главе с Дэн Хайцином было запрещено показывать национальные песни, праздники и т. п. Однажды мой коллега осмелился включить монгольскую музыку, тотчас к нам приехала с проверкой местная полиция» [Сюй Иньбин 2001: 241–242].

Ощутимые потери в годы «культурной революции» понесла интеллигенция. Об этом свидетельствует история писателя Орги. Баргут по национальности, он был почитаем в своей местности, поскольку грамотных людей, умевших писать и читать на китайской иероглифике и на монгольской письменности, было очень мало. Во время «культурной революции» его деятельность оказалась под запретом, впоследствии он был репрессирован как антияоист [Badmavangčin 2010]. Большое давление испытывали представители творческих профессий: артисты, музыканты, танцоры и т. д. Считалось, что именно они являются наглядным воплощением культурных и мировоззренческих отличий национальных меньшинств Хулун-Буира от собственно ханьского населения. Руководство революционного комитета Хулун-Буира скептически относилось к любым проявлениям этнокультурной идентичности национальных меньшинств региона [Бужэнь 2009].

Для национальных меньшинств Хулун-Буирского аймака АРВМ период культурной революции является большой трагедией, затронувшей почти все сферы жизнедеятельности людей. Информаторы и письменные источники особо выделяют период проведения политики «neirendang» (1967–1969) в качестве критической фазы всей кампании. В указанный период в АРВМ были совершены жестокие репрессии, по мнению пострадавших, не имеющие никаких оправданий. Поэтому в настоящее время многих исследователей беспокоит вероятная утрата исторической памяти о произошедших событиях. Как показывают наши данные, молодое поколение Хулун-Буира уже мало знает об особенностях проведения «культурной революции» в их регионе.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-39-90003 «Этнические меньшинства Хулун-Буира в годы культурной революции: политический нарратив и устные истории».

Примечания

I. Полевые материалы автора, добытые в ходе экспедиционных работ в городском округе Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия в ноябре 2018 и ноябре 2019 гг.

II. Под наименованием «neirendang» (内人党) понимается Народно-революционная партия Внутренней Монголии. В переводе с китайского языка сокращенное название указанной организации звучит как «neirendang». Полное китайское название организации – «Neimenggu renmin dang» (Народно-революционная партия Внутренней Монголии). Политика «neirendang» проводилась со второй половины 1967 г. по май 1969 г. В результате жесткой политики в отношении членов НРПВМ десятки тысяч людей были подвергнуты преследованиям, замучены и убиты.

III. Вопрос о взаимодействии Народно-революционной партии Хулун-Буирского аймака (呼盟党) и Народно-революционной партии Внутренней Монголии остается невыясненным. По нашему предположению, Народно-революционная партия Хулун-Буирского аймака в указанный период могла являться региональным филиалом НРПВМ.

Литература

Цыбенков Б. Д. Даурские роды в XVII в. / Б. Д. Цыбенков // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – Вып. 8: Востоковедение. – С. 238–246.

Цыбенков Б. Д. Миграции даурского населения в XVII–XVIII веках / Б. Д. Цыбенков // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. Вып. 2. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – С. 191–201.

Цыбенков Б. Д. К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911–1917) / Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. – С. 201–210.

Цыбенков Б. Д. История создания даурского автономного хошуна Морин-Дава (1945–1958 гг.) / Б. Д. Цыбенков, Юй Шан // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2017. – Т. 22. – С. 113–123.

Цыбенков Б. Д. Подготовка даурских национальных кадров (1946–1982 гг.) / Б. Д. Цыбенков // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: мат-лы VIII междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян, 21–28 мая 2018 г.). Вып. 8 / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018а. – С. 190–193.

Цыбенков Б. Д. Развитие сельского хозяйства в даурском автономном хошуне Морин-Дава в 1958–1984 гг. / Б. Д. Цыбенков // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2018б. – № 4. – С. 100–105.

Цыбенков Б. Д. Социально-политическое развитие даурского автономного хошуна Морин-Дава в 1958–1984 гг. / Б. Д. Цыбенков // Власть. – 2018в. – № 7. – С. 205–210.

Badmavangčīn. Orgi bičigeči-yin tobči namtar [Краткая биография писателя Орги] / *Badmavangčīn // Barγu sudulul-un ügülei-ün tegüberi (nige)* [Сборник научных статей общества по исследованию баргутов (первый том)] / *Külün Būyir-ün barγu sudulul-un neyigemlig-ün šine barγu jegün qošiγun-u ajillaqu ūjar nayirayulaba. – Öbör Mongγol-un keblel-ün soyol-un keblel-ün qoriya*, 2010. – С. 339–342.

Čo Oršon. Emči Sangja-yin ergičeyülül [Изменения в жизни доктора Санжа] / *Oršon Čo // Barγu sudulul-un ügülei-ün tegüberi (nige)* [Сборник научных статей общества по исследованию баргутов (первый том)] / *Külün Būyir-ün barγu sudulul-un neyigemlig-ün šine barγu jegün qošiγun-u ajillaqu ūjar nayirayulaba. – Öbör Mongγol-un keblel-ün nsoyol-un keblel-ün qoriya*, 2010. – С. 312–322.

Jamso Enke. Kulun Buir ogeled-un soyol teuke-yin material [Материалы по истории и культуре олетов Хулун-Буира] / *Enke Jamso. – Tungliyo qota-yin diyaceng keblel-un kijagartu qariguculagatu kompani*, 2008. – 208 с.

Yaljud Dobdonbal-un Būkebayatur. Uul čaqar kübegetü šira qošiγun-u barγučud-un taqilagatu oboγ-a bungqun subarγa [Молитвенные обо, бунханы и субурганы баргутов желтого с каймой чахарского хошуна] / *Dobdonbal-un Būkebayatur Yaljud // Barγu sudulul-un ügülei-ün tegüberi (nige)* [Сборник научных статей общества по исследованию баргутов (первый том)] / *Külün Būyir-ün barγu sudulul-un neyigemlig-ün šine barγu jegün qošiγun-u ajillaqu ūjar nayirayulaba. – Öbör Mongγol-un keblel-ün soyol-un keblel-ün qoriya*, 2010. – С. 239–256.

Алатэн-Дэлихай (монг. Алтан-Дэлхий). *Васу цзайнань шилу. 阿拉腾德利海. 挖肃灾难实录*. [Записки бедствий и страданий] / *Алатэн-Дэлихай. – Хух-Хото: Юаньфан чубаньшэ, 1999. – 393 с.*

Бужэнь. Во хэ цаоюань. Нэймэнгувэньхуа. 布仁. 我和草原. [Я и степь] / *Бужэнь. – Хайлар: Нэймэнгу вэньхуа чубаньшэ, 2009. – 356 с.*

Ли Вэньсюй. Ганьчжүэр мяо вайци. 李文秀. 甘珠尔庙外记. [Заметки храмов] / *Вэньсюй Ли. – Хайлар: Нэймэнгу вэньхуа чубаньшэ, 1996. – 356 с.*

Лэ Чжидэ. Давоэр луньтань. 乐志德. 达斡尔论坛. [Заметки про дауров] / *Чжидэ Лэ. – Хайлар: Мэнгу вэньхуа чубаньшэ, 2008. – 391 с.*

Модэртү. Цзефан чжаньжэн чжундэ давоэрцзу. 莫德尔图. 解放战争中的达斡尔族. [Дауры во время освободительной войны] / *Модэртү. – Хулун-Буир: Нэймэнгу вэньхуа чубаньшэ, 2018. – 520 с.*

Сюй Иньбин. Хулуньбуэр мэньгу анбодянь шичжи. 徐印兵. 呼伦贝尔盟广播电视志. [Основные детали радио и телевидения Хулун-Буира] / *Иньбин Сюй. – Хайлар: Нэймэнгу вэньхуа чубаньшэ, 2001. – 326 с.*

References

- Cybenov B. D.* Daurские роды в XVII в. / B. D. Cybenov // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2011. – Vyp. 8: Vostokovedenie. – S. 238–246.
- Cybenov B. D.* Migratsii daurskogo naseleniya v XVII–XVIII vekah / B. D. Cybenov // *Transgranichnye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriya i sovremennost'*. Vyp. 2. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2012. – S. 191–201.
- Cybenov B. D.* K izucheniyu istorii daurov Hulun-Buira (1911–1917) / B. D. Cybenov // *Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik: 2017*. – Irkutsk: Izd-vo BGU, 2017. – S. 201–210.
- Cybenov B. D.* Istoriya sozdaniya daurskogo avtonomnogo hoshuna Morin-Dava (1945–1958 gg.) / B. D. Cybenov, Yuj Shan // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. Istoriya. – 2017. – T. 22. – S. 113–123.
- Cybenov B. D.* Podgotovka daurskih nacional'nyh kadrov (1946–1982 gg.) / B. D. Cybenov // *Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: mat-ly VIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Blagoveshchensk – Hejhe, Chanchun', Shen'yan, 21–28 maya 2018 g.)*. Vyp. 8 / otv. red. D. V. Buyarov, D. V. Kuznecov. – Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, 2018a. – S. 190–193.
- Cybenov B. D.* Razvitiye sel'skogo hozyajstva v daurskom avtonomnom hoshune Morin-Dava v 1958–1984 gg. / B. D. Cybenov // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2018b. – № 4. – S. 100–105.
- Cybenov B. D.* Social'no-politicheskoe razvitiye daurskogo avtonomnogo hoshuna Morin-Dava v 1958–1984 gg. / B. D. Cybenov // *Vlast'*. – 2018v. – № 7. – S. 205–210.
- Badmavangčin.* Orgi bičigeči-yin tobči namtar [Kratkaya biografiya pisarya Orgi] / *Badmavangčin* // *Baryu sudulul-un ügülel-ün tegüberi (nige)* [Sbornik nauchnyh statej obshchestva po issledovaniyu bargutov (pervyj tom)] / *Külün Büyir-ün baryu sudulul-un neyigemlig-ün šine baryu jegün qoşıyun-u ajillaqu yajar nayirayulaba*. – Öbör Mongyol-un keblel-ün soyol-un keblel-ün qoriya, 2010. – C. 339–342.
- Čo Oršon.* Emči Sangja-yin ergičeyülül [Izmeneniya v zhizni doktora Sanzha] / *Oršon Čo* // *Baryu sudulul-un ügülel-ün tegüberi (nige)* [Sbornik nauchnyh statej obshchestva po issledovaniyu bargutov (pervyj tom)] / *Külün Büyir-ün baryu sudulul-un neyigemlig-ün šine baryu jegün qoşıyun-u ajillaqu yajar nayirayulaba*. – Öbör Mongyol-un keblel-ün nsoyol-un keblel-ün qoriya, 2010. – C. 312–322.
- Jamso Enke.* Kulun Buir ogeled-un soyol teuke-yin material [Materialy po istorii i kul'ture oletov Hulun-Buira] / *Enke Jamso*. – Tungliyo qota-yin diyaceng keblel-un kijagartu qariguculagatu kompani, 2008. – 208 s.
- Yaljud Dobdonbal-un Bükebayatur.* Uul čaqar kübegetü šira qoşıyun-u baryučud-un taqilagatu oboy-a bungqun subarya [Molitvennye obo, bunhany i suburgany bargutov zheltogo s kajmoj chaharskogo hoshuna] / *Dobdonbal-un Bükebayatur Yaljud* // *Baryu sudulul-un ügülel-ün tegüberi (nige)* [Sbornik nauchnyh statej obshchestva po issledovaniyu bargutov (pervyj tom)] / *Külün Büyir-ün baryu sudulul-un neyigemlig-ün šine baryu jegün qoşıyun-u ajillaqu yajar nayirayulaba*. – Öbör Mongyol-un keblel-ün soyol-un keblel-ün qoriya, 2010. – C. 239–256.
- Alaten-Delihaj* (mong. Altan-Delhiy). Vasu czajnan' shilu. 阿拉腾德利海。挖肃灾难实录. [Zapiski bedstvij i stradanij] / *Alaten-Delihaj*. – Huh-Hoto: Yuan'fan chuban'she, 1999. – 393 s.
- Buzhen'*. Vo he caoyuan'. Nejmenguven'hua. 布仁。我和草原。[Ya i step'] / *Buzhen'*. – Hajlar: Nejmengu ven'hua chuban'she, 2009. – 356 c.
- Li Ven'syuj.* Gan'chzhuer myao vajczi. 李文秀。甘珠尔庙外记. [Zametki hramov] / *Ven'syuj Li*. – Hajlar: Nejmengu ven'hua chuban'she, 1996. – 356 c.
- Le Chzhide.* Davoer lun'tan'. 乐志德。达斡尔论坛. [Zametki pro daurov] / *Chzhide Le*. – Hajlar: Mengu ven'hua chuban'she, 2008. – 391 s.
- Modertu.* Czefan chzhan'chzhen chzhunde davoerczu. 莫德尔图。解放战争中的达斡尔族. [Daury vo vremya osvoboditel'noj vojny] / *Modertu*. – Hulun-Buir: Nejmengu ven'hua chuban'she, 2018. – 520 s.
- Syuj In'bin.* Hulun'buer mengu anybodyan' shichzhi. 徐印兵。呼伦贝尔盟广播电视志. [Osnovnye detali radio i televideniya Hulun-Buira] / *In'bin Syuj*. – Hajlar: Nejmengu ven'hua chuban'she, 2001. – 326 c.